

РИСКИ УСКОРЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проведен социологический анализ рисков ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19. Описана общая роль цифровых технологий в жизни современных горожан. Выделены сферы, наиболее чувствительные к влиянию ускоренной цифровизации (труд, образ жизни, межличностная коммуникация). На основе результатов эмпирического исследования обозначены возможные технические, организационные и эмоционально-психологические сложности, с которыми сталкиваются горожане в процессе использования цифровых технологий. Предложены обобщенные риски ускоренной цифровизации (переформатирование социальных связей, появление новых измерений социального неравенства, информационная перегрузка и зависимость от технологий).

Ключевые слова: цифровая трансформация; пандемия COVID-19; цифровое неравенство; факторы цифрового неравенства; техностресс.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г21АРМ-020 от 1 октября 2021 г. «Конкурентоспособность систем высшего образования Армении и Беларуси в контексте ускорения процессов цифровизации, связанных с пандемией COVID-19»).

RISKS OF ACCELERATED DIGITALISATION OF SOCIETY DURING THE COVID-19 PANDEMIC: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to a sociological analysis of the accelerated social digitalisation's risks in the context of the COVID-19 pandemic. The general role of digital technologies in the modern citizen's life is described, the most sensitive to the impact of accelerated digitalisation areas (labour, lifestyle, interpersonal communication) are highlighted. Based on the results of an empirical study, possible technical, organisational, emotional and psychological difficulties that citizens face in the process of using digital technologies are indicated. In conclusion, generalised risks of accelerated digitalisation are proposed (reformatting of social connections, the emergence of new social inequality dimensions, information overload and dependence on technology).

Keywords: digital transformation; pandemic COVID-19; digital divide; factors of the digital divide; technostress.

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. Г21АРМ-020 dated 2021 October 1 «Competitiveness of higher education systems in Armenia and Belarus in the context of accelerating digitalisation processes associated with the COVID-19 pandemic»).

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Риски ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;3:49–59.

For citation:

Lebedeva EV. Risks of accelerated digitalisation of society during the COVID-19 pandemic: a sociological analysis. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;3:49–59. Russian.

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

Введение

Пандемия COVID-19, которая охватила мир в 2020–2021 гг., затронула практически все сферы общественной жизни. Одним из способов сдерживания данной коронавирусной инфекции выступило физическое дистанцирование, потребовавшее частичного или полного перевода многих привычных практик на дистанционный режим работы. В таких условиях существенно возросла роль цифровых технологий как связующего звена между человеком и внешним миром. В академическом дискурсе последних лет вопросы, связанные с цифровой трансформацией общества как последовательной осознанной перестройкой привычных повседневных и профессиональных практик, получили активное обсуждение [1–3]. Однако для цифровой трансформации недостаточно только наличия умных технологий как таковых. Согласно отчету Центра цифрового бизнеса Массачусетского технологического института «цифровая зрелость» (*digital maturity*) может быть представлена в качестве сочетания двух взаимосвязанных параметров: наличия цифровой активности (частота и интенсивность использования в повседневных городских практиках цифровых технологий) и условий для стимулирования изменений (отношение индивидов к цифровым технологиям, осознанное стремление к замене аналоговых действий цифровыми) [4, с. 62]. В ситуации, когда усвоение цифровых технологий происходит в ускоренном стрессовом режиме без подкрепления соответствующей положительной мотивацией (индивид использует их нехотя, не имея выбора), цифровизация может сопровождаться технострессом: чувством тревоги, страхом упустить что-то важное, навязчивым желанием следить за технологическими новинками. Очевидно, наибольшие трудности заключаются не только в процессе технологической модернизации (и даже не в процессе обучения индивидов использованию новых технологий), но и в процессе принципиальной перестройки образа жизни и мышления, интериоризации новых технологий, т. е. в осознанном, добровольном, внутренне иницированном их использовании для решения каждодневных прикладных задач и в профессиональной деятельности, и в быту. Кроме того, цифровую трансформацию городской среды нельзя рассматривать как одномоментный переход от старого состояния к новому. Это, скорее, эволюционный процесс, в который различные индивиды вовлекаются с разной скоростью. В то же время эмпирическими индикаторами цифровой трансформации могут быть соотношение цифровых и традиционных способов решения прикладных задач, выход цифровых технологий за пределы их утилитарного использования, а также мотивация освоения новых технологий (чем чаще индивиды осваивают вновь появляющиеся цифровые решения, руководствуясь интересом и желанием разнообразить свою жизнь, а не давлением внешних

обстоятельств, тем более обоснованно можно говорить о появлении цифрового общества). Несмотря на то что глубина воздействия пандемии (и связанной с ней ускоренной цифровизации) на общество пока еще изучается, к наиболее чувствительным сферам могут быть отнесены труд, досуг, свободное время, образ жизни и межличностная коммуникация. Таким образом, основной исследовательской задачей данной статьи является анализ скрытых рисков, сопровождающих ускоренную цифровизацию общества в условиях пандемии COVID-19 (в разрезе ключевых сфер жизнедеятельности человека).

Теоретической базой исследования цифровой трансформации общества стали концепции информационно-коммуникационного общества М. Кастельса [5], цифровой среды Н. Негропonte [6], Д. Тапскотта и Э. Д. Уильямса [7], С. Дж. Палмизано [8], согласно которым ключевые изменения в современном мире обусловлены переходом от аналоговой техники к цифровой, от полупроводников к микропроцессорам, от централизованных вычислений к архитектуре клиент – сервер, от отдельного существования данных, текста, изображения и звука к мультимедиа и от специализированных систем к открытым. Происходит зарождение особой культуры, связанной с использованием информационных технологий, которые постепенно начинают превращаться в среду обитания. Анализ становления новых устойчивых цифровых институтов и возникающей цифровой информационной сферы общественной жизни опирается на принципы неоинституционального подхода к развитию общества (Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вейнгагст [9]). Данный подход предполагает сопоставление относительно самостоятельных социальных институтов и человеческого фактора, а также исследование активного соучастия людей и социальных групп в их возникновении и изменении. Осмысление системного развития общества с позиции синергии офлайн- и онлайн-взаимодействий осуществляется с учетом теории Н. Лумана [10].

Эмпирическую основу настоящей работы составили результаты двух опросов, организованных в Минске в 2021 г. Первый опрос – это автоматизированное телефонное интервью, проведенное в феврале 2021 г. среди занятого населения (номера из списка мобильных телефонов выбирались по методу случайных чисел). Всего в нем приняли участие 415 работающих минчан (57,8 % мужчин и 42,2 % женщин). На основании размера генеральной совокупности расчетная величина ошибки выборки составляет 4,81 %. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 23,2 % опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет, 42,7 % минчан в возрасте от 30 до 39 лет, 18,8 % горожан в возрасте от 40 до 49 лет, 12,4 % участников опроса в возрасте от 50 до 59 лет и 2,9 % респондентов в возрасте старше 60 лет. На момент проведения исследования 73,4 % жителей

имели высшее образование, 20,7 % горожан – среднее профессиональное (техникум или колледж), 2,2 % респондентов – начальное профессиональное, 2,4 % опрошенных – полное среднее, 0,2 % минчан – неполное среднее образование и 1,1 % жителей выбрали вариант ответа «другое». По сферам деятельности выборка соответствовала генеральной совокупности. Второе исследование – это анкетный опрос, проведенный в декабре 2021 г. по квотно-пропорциональной выборке. Квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Участие в исследовании приняли 400 человек (43,0 % мужчин и 57,0 % женщин). По возрасту респонденты распределились следую-

щим образом: 13,8 % опрошенных в возрасте от 17 до 25 лет, 21,8 % участников исследования в возрасте от 26 до 35 лет, 20,0 % респондентов в возрасте от 36 до 45 лет, 21,5 % горожан в возрасте от 46 до 60 лет и 23,0 % жителей в возрасте 61 год и старше. На момент проведения исследования 39,8 % респондентов имели оконченное высшее образование. Кроме того, 63,5 % опрошенных были трудоустроены, 6,3 % респондентов находились в отпуске по уходу за ребенком, 18,8 % горожан не имели работы (или были пенсионерами), 3,8 % участников исследования временно не работали и 7,8 % респондентов получали образование.

Результаты и их обсуждение

Сегодня с уверенностью можно отметить, что цифровые технологии прочно вошли в жизнь современных горожан (и речь идет не только о традиционных социальных сетях). Результаты анкетного опроса, проведенного в декабре 2021 г., показали, что 86,8 % минчан возрастной группы от 17 лет и старше используют в повседневной жизни различ-

ные мессенджеры (*Viber, Telegram, Skype* и др.), 83,5 % респондентов регулярно совершают интернет-платежи, 72,8 % горожан используют *Google-* и *Яндекс-*карты; 70,8 % участников исследования обращаются к социальным сетям и 68,0 % жителей прибегают к услугам онлайн-записи к врачу и заказу талонов в поликлинику через сайт (рис. 1).

Рис 1. Доля ответов респондентов на вопрос: «Какие цифровые технологии Вы используете?», %
Fig. 1. Share of respondents' answers to the question: «What digital technologies do you use?», %

Мессенджерами, интернет-банкингом (мобильным банкингом, оплатой услуг через ЕРИП), единым интернет-порталом коммунальных услуг и онлайн-записью в поликлинику активно пользуются не только представители молодежи, как это принято понимать, но и люди среднего и старшего возрастов (табл. 1). Очевидно, одной из причин такого активного проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь стала самоизоляция, в той или иной степени коснувшаяся жителей многих крупных городов, в том числе и минчан. Лишившись возможности совершать привычные действия традиционным способом, горожане были вынуждены в достаточно короткие сроки виртуализировать их. В этом

смысле можно предположить, что такая цифровизация была не столько свободным выбором индивидов, сколько вынужденной мерой, попыткой защитить себя от опасного вируса.

Цифровизация привела к переформатированию многих устоявшихся моделей, практик и институтов (к моделированию постиндустриальной трансформации [11]). Фактически это означает столкновение традиционных иерархических структур, характерных для индустриального мира, самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур [12, с. 91]. Так, Н. Луман представлял социум как систему коммуникаций (виртуальных и реальных), когда окончание одной выступает условием

возникновения другой [10]. При этом по мере своего развития цифровая среда выходит за пределы повседневных коммуникаций (общение в социальных сетях и мессенджерах), но превращается в способ бытия индивида, позволяя ему решать задачи поиска многообразной информации, обучения, заработка, пользования услугами, совершения покупок, получения лечения и т. д. Исторически переход из одного состояния общества в другое – это всегда эволюционный процесс, занимающий не одно десяти-

летие. В ситуации пандемии COVID-19 принцип эволюционности не был соблюден. Следовательно, человечеству не хватило времени, чтобы адаптироваться к новым условиям, осознать и смягчить все риски (явные и латентные), связанные с происходящими кардинальными переменами. Опираясь на данные опросов, автор настоящей статьи предлагает рассмотреть возможные угрозы ускоренного внедрения цифровых технологий в таких сферах, как работа, коммуникация, образ жизни и досуг.

Таблица 1

Доля использующих цифровые технологии респондентов
в зависимости от их возраста, %

Table 1

Share of respondents use of digital technologies by respondents
depending on their age, %

Цифровые технологии	Возраст				
	17–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–60 лет	61 год и старше
Социальные сети	98,2	88,5	87,5	67,4	26,1
Мессенджеры (<i>Viber, Telegram, Skype</i> и др.)	94,6	90,8	91,3	94,2	67,4
Интернет-банкинг, мобильный банкинг, оплата услуг через ЕРИП	90,9	96,6	90,0	82,6	62,0
Онлайн-запись к врачу, заказ талонов в поликлинику через сайт	74,6	85,1	68,8	69,8	45,7
<i>Google-</i> и <i>Яндекс-</i> карты	89,1	85,1	91,3	75,6	32,6
Сервисы доставки продуктов питания	76,4	70,1	66,3	48,8	13,0
Сайты онлайн-покупок	74,6	71,3	70,0	50,0	16,3
Интернет-телевидение (<i>Ivi, Megogo, Voka</i> и др.)	63,6	66,7	58,8	52,3	26,1
Каршеринг, прокат велосипедов и самокатов, агрегаторы такси	58,2	65,5	63,8	43,0	9,8

Влияние цифровых технологий на сферу труда горожан. События последнего года, связанные со стремительным распространением вируса COVID-19, заставили многие компании и организации адаптировать внутренние процессы под условия новой реальности. Одним из наиболее популярных шагов стал частичный или полный перевод сотрудников в формат удаленной работы там, где это было технически возможно. Телефонное интервью, проведенное в феврале 2021 г., показало, что 47,1 % минчан на протяжении 2020 г. в той или иной мере меняли традиционный режим труда на дистанционный. В публичной риторике такой шаг был обозначен как «вынужденный социальный эксперимент»¹. И если этот режим работы сокращает вредные выбросы, офисные расходы и способствует возможности совмещения рабочих и семейных обязанностей, то его обратной стороной является негативный эффект на продуктивность

управления персоналом, профессиональный рост и социально-психологическое самочувствие работников. Исследования, проведенные в Минске на выборке работающих респондентов, также показали двойственность влияния цифровизации на сферу труда. Для общего развития цифровых компетенций это стало несомненным плюсом. Больше 50,0 % опрошенных за последний год стали значительно лучше владеть персональным компьютером, ноутбуком или смартфоном, 49,8 % горожан улучшили свои навыки поиска нужной информации в интернете, 43,0 % респондентов научились уверенно пользоваться пакетом *Microsoft Office (Word, Excel, Power Point)* (табл. 2). Хотя более 80 % минчан считают, что цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время, быстрый переход в удаленный формат вызвал серьезные проблемы. Так, 41,0 % опрошенных отметили, что из-за новых технологий им при-

¹Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Счет. палата Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf> (дата обращения: 24.02.2022).

ходится работать больше либо выполнять прежний объем работы за более короткий срок; 24,0 % участников исследования признались, что они постоянно отвлекаются на мессенджеры, почту, из-за чего выполнение необходимой работы отнимает больше

времени. Около 18 % респондентов подчеркнули, что зачастую для выполнения поставленных задач им не хватает навыков работы с новым оборудованием или программным обеспечением (возможно, за пределами столицы этот показатель был бы еще выше).

Таблица 2

Доля ответов респондентов на вопрос: «Навыки использования каких информационных технологий Вы усовершенствовали за прошедший год?», %

Table 2

Share of respondents' answers to the question: «Which information technology skills have you improved over the last year», %

Цифровые технологии	Доля ответов респондентов
Персональный компьютер (ноутбук, смартфон)	57,1
Поисковые системы	49,8
Пакет <i>Microsoft Office</i> (<i>Word, Excel, Power Point</i>)	43,0
Профессиональные программы (<i>AutoCAD, Adobe Photoshop</i>) и информационно-аналитические системы (<i>1С: Бухгалтерия, Консультант Плюс</i>)	41,5
Приложения для видеоконференций (<i>Zoom, Webex</i>)	40,5
Электронная почта	39,9
Облачные хранилища	32,4

Кроме того, анкетный опрос горожан, проведенный в январе 2022 г. (т. е. спустя год после активных изменений, связанных с пандемией), показал достаточно сдержанное отношение пользователей к образовательным и творческим возможностям но-

вых технологий (табл. 3). Иными словами, по мнению респондентов, цифровые технологии являются лишь инструментом, способом сделать определенную работу быстрее, с меньшими затратами, однако их роль в общем развитии личности неочевидна.

Таблица 3

Доля положительных ответов респондентов на вопросы-утверждения об образовательных и творческих возможностях новых технологий, %

Table 3

Share of positive responses of respondents to questions-statements about the educational and creative possibilities of new technologies, %

Вопрос-утверждение	Доля ответов респондентов
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время	82,3
Благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	58,0
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	49,3

Наибольшую сложность составляет не столько отсутствие инфраструктуры или неготовность работников к освоению тех или иных цифровых технологий, сколько то, что сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. Цифровизация сферы труда привела к появлению таких негативных явлений, как технотерроризм (недопонимание между сотрудниками

ми разного возраста, предвзятое отношение к представителям старших возрастных групп), техническое неравенство (существенные различия в технических возможностях обустройства собственного домашнего офиса), ослабление или полная утрата корпоративной идентичности (формализованный характер общения (без эмоциональной составляющей) между руководителями и подчиненными, а также

между сотрудниками) и техностресс (эмоциональное выгорание, чувства тревоги и усталости). Более того, переход на удаленную работу оказал влияние и на внутрисемейные взаимоотношения, особенно в тех случаях, когда на домашний режим перешли несколько членов семьи.

Пандемия и связанная с ней ускоренная цифровизация привели к возникновению нового измерения социального расслоения. Заведующий научной лабораторией социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» О. Н. Запорожец называла это появлением киберэлит и киберпролетариата². Под киберэлитами понимаются люди, которые создают цифровую архитектуру либо владеют ей, могут распоряжаться персональными данными своих сотрудников в личных или корпоративных целях и задавать исходные условия взаимодействия всех со всеми, позволяющие существовать обществу. Киберпролетариат – все остальные работники, жизнь и благосостояние которых напрямую зависит от действий киберэлиты. Цифровой высший класс состоит из IT-специалистов, создающих системы слежения, хранения персональных и больших данных, систем искусственного интеллекта для управления массами людей, транспортом, государственными и медицинскими услугами, а также имеющих доступ к цифровым данным и системам чиновников и менеджеров крупных частных IT-корпораций (цифровые интернет-платформы производителей смартфонов, интернет-провайдеров, мобильных операторов). Само по себе неравенство и социальное расслоение – проблемы далеко не новые, однако цифровое неравенство несет в себе множество незнакомых рисков, которые предстоит изучить. В данном случае уместно вспомнить тезис американского экономиста Б. Милановича о неравенстве как социальном холестерине, хорошая форма которого стимулирует инвестиции в человеческий капитал, развитие общества и экономики, а плохая форма закупоривает социальные лифты и препятствует преодолению бедности [13]. Возможно, что обострившееся после пандемии цифровое неравенство как раз и представляет собой плохую форму, которая не стимулирует конкуренцию и развитие, а частично либо полностью ограничивает для части населения возможность совершенствоваться.

Влияние цифровых технологий на образ жизни горожан. Активное внедрение цифровых технологий привело к диверсификации пространств труда, отдыха, социальной жизни, досуга. Современный человек может с помощью соответствующих приложений и сайтов взаимодействовать с государственными структурами и получать их услуги, учиться,

любоваться достопримечательностями, путешествовать по городу, выстраивая оптимальные маршруты своего движения, виртуально посещать экскурсии, тренинги, мастер-классы, а также магазины и рестораны, заказывая еду и покупки на дом [14]. Мегаполис (вслед за корпорациями) постепенно превращается в онлайн-пространство, а некоторые его жители частично или полностью переселяются за город. Складывается достаточно парадоксальная ситуация, когда индивид может работать, не выходя из дома, и жить в городе, территориально находясь за его пределами. Городская инфраструктура (особенно в крупных городах) в целом оказалась достаточно развитой, чтобы справиться с подобными вызовами. Об этом свидетельствует активное использование минчанами цифровых технологий. То, насколько за это время изменился образ жизни горожан, еще предстоит изучить.

В доковидных условиях конфигурацию городского образа жизни определяли рекреативные и социально-культурные функции городской среды. Сегодня же исследователи говорят о необходимости пересмотра самого понятия «города» [15]. Поскольку городские территории долгое время были закрыты, горожане научились обходиться без них, перемещая свои повседневные практики в виртуальный мир. Однако, как отмечал канадский урбанист Ч. Монгомери, «город – это образ жизни» [16, с. 13], именно он определяет то, как часто горожане занимаются спортом, ходят пешком, бывают на природе и где предпочитают проводить выходные. Очевидно, что вводимые в период пандемии ограничения значительно снизили досуговый потенциал городской среды. Последствиями этого стали проблемы со здоровьем, вызванные снижением двигательной активности, нарушением привычного распорядка дня и высоким уровнем психологического напряжения. Частично цифровые технологии позволили смягчить введенные ограничения. Появились компьютерные программы и мобильные приложения, позволяющие компенсировать снижение подвижности, сокращение контактов с другими людьми, преодолеть тревожные состояния, а также заниматься самообразованием и культурным развитием [17]. Отчасти горожане обратили внимание на эти возможности: 49,0 % минчан согласились с утверждением о том, что цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной и позволяют интересно проводить время. Однако этот показатель очень сильно зависит от возраста респондента. Как показал анкетный опрос, проведенный в январе 2022 г., среди минчан младше 25 лет с этим согласились 80,0 % респондентов, а среди тех, кому за 60, – только 21,7 % (табл. 4).

²Сетевой город на фоне пандемии. Как технологии и коронавирус изменили жизнь горожан // Науч.-образоват. портал IQ [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/559559252.html> (дата обращения: 25.02.2022).

Таблица 4

Доля положительных ответов респондентов на вопросы-утверждения
о влиянии цифровых технологий на их образ жизни в зависимости от возраста, %

Table 4

Share of positive answers of respondents to the questions-statements
about the impact of digital technologies on their lifestyle depending on age, %

Вопрос-утверждение	Возраст					Доля от общего числа респондентов
	17–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–60 лет	61 год и старше	
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	80,0	59,8	57,5	39,5	21,7	49,3
Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	14,5	29,9	31,3	29,1	54,3	33,5
Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	18,2	27,6	35,0	29,1	43,5	31,8
Цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной	18,2	25,3	31,3	30,2	45,7	31,3

Примечание. Вопросы-утверждения предполагали возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Иными словами, на фоне пандемии ускорилось развитие технологий и расширился диапазон их применения во всех сферах жизни. «Стремительный цифровой прогресс помог спасти экономику и социальную жизнь в период локдаунов, но одновременно стал и вызовом правам, свободам и безопасности горожан»³.

Вопросы улучшения качества жизни горожан ушли на второй план, тогда как на первом месте остался технологический детерминизм. К негативным последствиям этих перемен следует отнести в первую очередь появление нового вида неравенства, а именно цифрового неравенства, особенно в разрезе различных возрастных групп. Некоторые минчане старше 60 лет (43,5 %) согласились с тем, что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды, примерно такое же количество респондентов данной возрастной группы полагали, что цифровые технологии отнимают много сил и времени и делают их жизнь беспокойной. Кроме того, обратной стороной цифровых технологий может стать их навязанность, когда использование цифрового перестает быть личным выбором человека, а становится вынужденной мерой. Около трети минчан (33,5 %) полагали, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым, и по мере увеличения возраста эта цифра растет (в возрастной группе старше 60 лет с этим утверждением согласны уже 54,3 % респондентов).

Влияние цифровых технологий на межличностную коммуникацию горожан. Как и в предыдущих вопросах, роль ускоренной цифровизации

в изменении характера межличностной коммуникации горожан можно охарактеризовать двояко. Произошло уплотнение коммуникационных потоков, переход их в сетевой формат. По мере того как менялась городская социальность, неподвижные горожане перенаправили свое внимание на социальные сети и локальные чаты. Проводимые исследования показали, что режим самоизоляции поспособствовал значительному росту объемов потребления цифрового контента (к примеру, в апреле 2020 г. 71,0 % россиян ежедневно использовали интернет для общения с друзьями и родственниками⁴). Спустя несколько лет высокий уровень вовлечения горожан в цифровую коммуникацию сохраняется – социальные сети и мессенджеры остаются привычным инструментом общения для 70,8 % и 86,8 % респондентов соответственно. Высокая доля использования мессенджеров отмечается во всех возрастных группах – от 67,4 % среди респондентов 61 года и старше до 94,6 % среди горожан 17–25 лет.

К положительным эффектам этого случая можно отнести укрепление локальных соседских сообществ и общий рост солидарности горожан. По данным исследования, проведенного в январе 2022 г., 64,3 % опрошенных полагали, что в случае необходимости они смогут найти единомышленников в Минске; примерно такое же количество респондентов были уверены, что минчане могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы; 58,3 % жителей были готовы прийти на помощь своим соседям, когда те окажутся в трудных жизненных ситуациях; чуть более 47,0 % горожан доверяли своим соседям и ощущали поддержку с их стороны (табл. 5).

³Сеть как спасение // ВЦИОМ новости [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴Там же.

Таблица 5

Доля ответов респондентов на вопросы-утверждения о влиянии цифровых технологий на их межличностную коммуникацию, %

Table 5

Share of respondents' answers to the questions-statements about the impact of digital technologies on their interpersonal communication, %

Вопрос-утверждение	Ответ		
	Да	Нет	Трудно сказать
Я могу найти единомышленников в Минске	64,3	25,5	10,3
Минчане могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы	63,3	17,8	19,0
Я готов прийти на помощь своим соседям в трудных жизненных ситуациях	58,3	14,3	27,5
Я ощущаю поддержку со стороны своих соседей в трудных жизненных ситуациях	47,5	30,5	22,0
Я доверяю людям, с которыми живу по соседству	47,3	29,8	23,0

Однако можно отметить и негативный эффект активизации цифровых инструментов коммуникации горожан. Медийное воздействие на потребителей часто осуществлялось в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. На фоне напряженной эпидемиологической ситуации это привело к появлению феномена инфодемии – активному распространению через социальные сети и мессенджеры недостоверной, ложной информации (фейков), слухов, страхов, панических настроений, некомпетентных советов и др. Инфодемия значительно усилила негативные последствия пандемии, в том числе путем стигматизации и дискриминации горожанами друг друга. Рассматривая каждого находящегося рядом человека как потенциального переносчика вируса и возможную угрозу, индивид перемещал его из позитивно окрашенной категории (сограждане, соседи, друзья) в негативную (источник эпидемиологической угрозы). В результате к уже существующим

в больших городах инструментам стигматизации добавились новые (ковид-диссидент, ковид-террорист, ковидиот и др.).

В итоге складывается достаточно противоречивая ситуация, когда при увеличении интенсивности коммуникационных потоков их сила, наоборот, снижается («быть на связи, но быть в одиночестве»⁵ [18, р. 13]). Американский социолог Ш. Теркл полагала, что за последние несколько лет общество стало разобщеннее, а каждый человек оказался чуть более одинок [18]. Об этом говорят и результаты опроса. Всего 38,3 % минчан согласились с тем, что цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия; 31,8 % горожан отвергли эту мысль; 30,3 % участников исследования и вовсе затруднились ответить на данный вопрос. С возрастом уверенность в связующей способности цифровых технологий и их положительном влиянии на межличностное взаимодействие только снижается (рис. 2).

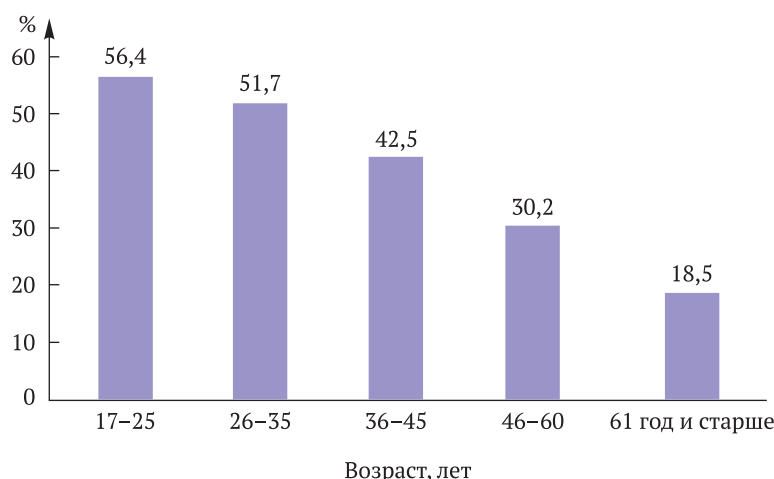

Рис. 2. Доля положительных ответов респондентов на вопрос: «Позволяют ли цифровые технологии людям быть ближе друг к другу, повышают ли уровень сплоченности и доверия?» – в зависимости от их возраста

Fig. 2. Shares of positive answers of respondents to the question: «Do digital technologies allow people to be closer to each other, do they increase the level of cohesion and trust?», depending on their age

⁵Здесь и далее перевод наш. – Е. Л.

При обобщении рисков ускоренной цифровизации общества можно сделать вывод о том, что основой в этом отношении является уровень развития цифровой культуры индивидов – «понимание современных информационных и цифровых технологий, их функциональных возможностей, а также возможность их грамотного использования в работе и в быту» [19, с. 31]. Освоение цифровой культуры (как и любой другой) – длительный

процесс, предполагающий регулярное, осознанное и систематическое взаимодействие с миром цифровых технологий. Если же погружение в новую культурную среду происходит слишком быстро, без соответствующей подготовки, то индивиды могут испытывать культурный шок – «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия» [20, р.180].

Заключение

Цифровизация общества может быть представлена в следующих ракурсах: как формирование новой социальной среды путем развития современных способов коммуникации и взаимодействия; как появление новых видов деятельности, продуктов и услуг, а также модернизации традиционных социальных практик на основе использования цифровых технологий; как развитие цифровой культуры в ходе адаптации индивидов и социальных групп к новым технологиям. Наибольшую сложность часто составляет не столько отсутствие необходимой цифровой инфраструктуры, сколько то, что сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. В этой связи, помимо технических и организационных сложностей процесса ускоренной цифровизации общества (отсутствие необходимого технического оснащения, скоростного интернета, подходящего физического пространства, недостаточные развитие цифровых компетенций и координация различных направлений и технологических решений), можно также выделить и негативные эмоционально-психологические аспекты. К ним относятся проявления техностресса (страх, беспомощность, неуверенность в себе), эмоциональное выгорание, усталость, сложности самоконтроля, самоорганизации и управления собственным временем и трудности, связанные с коммуникацией и взаимодействием индивидов как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Таким образом, к основным рискам ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19 можно отнести следующие:

- глубокое переформатирование существующих социальных связей, за которым может следовать рост солидарности и сплоченности, усиление изоляции и одиночества, а также отсутствие устойчивых социальных связей, обеспечивающих социальную интеграцию и нравственное регулирование;
- появление новых измерений социального неравенства (цифровое неравенство, техноэджизм)

и углубление существующих разрывов (между центром и периферией, между поколениями, между социально-профессиональными группами и др.);

- риски информационной перегрузки и зависимости от технологий: высокая подверженность манипуляциям в социальных сетях, а также феномен культуры отмены (*cancel culture* [21]), когда отдельный индивид или социальная группа лишаются поддержки (или даже подвергаются осуждению) сначала в онлайн-среде (в социальных медиа), а после в реальном мире.

Безусловно, современное общество существует и развивается в том числе благодаря цифровым технологиям. Однако до сих пор нет единого мнения относительно роли человека в интенсивно цифровизирующейся среде. С одной стороны, он является пассивным генератором данных, послушным пользователем, объектом информационного воздействия и источником сверхприбыли для цифровой элиты. Но, с другой стороны, индивиды сегодня активно включаются в переопределение цифровых инструментов, они не только осваивают преимущества социальных сетей, но и обнаруживают их уязвимости, начинают все более сложным и непредсказуемым образом влиять на протекающие социальные процессы. Отчасти эти мысли уже отражаются в исследовательском интересе. Можно отметить постепенный переход от темы умных городов к умным горожанам, от цифрового оптимизма к цифровому реализму, от техноцентризма к цифровой антропологии. Однако ряд вопросов все еще нуждаются в детальной проработке. Среди них анализы возможностей и рисков цифрового города, участия горожан в управлении его ресурсами и экологией, а также особенностей формирования и функционирования цифрового города (сетевых, соседских, социально-профессиональных), иными словами, роль человеческого фактора в цифровой трансформации, проблема человека не как объекта, а как субъекта социальных действий и преобразований цифрового общества.

Библиографические ссылки

1. Марков АН, Мигалевич СА. Готовность учреждений высшего образования к цифровой трансформации процессов. *Цифровая трансформация*. 2021;2:64–68.
2. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;1:52–69.

3. Томашевский КЛ. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020;11(2):398–413. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210.
4. Ильина ЕМ, Ильин МВ. Политико-управленческие аспекты процесса цифровой трансформации в Республике Беларусь. В: Гайсёнок ВА, редактор. *Философско-гуманитарные науки*. Минск: РИВШ; 2017. с. 61–70.
5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Шкаратан ОИ, переводчик. Москва: ВШЭ; 2000. 608 с.
6. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage; 1996. 272 p.
7. Тапскотт Д, Уильямс ЭД. *Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все*. Василенко Г, Миронов ПВ, переводчики. Москва: Альпина Паблицер; 2020. 456 с.
8. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet; cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.
9. Норт Д, Уоллис Дж, Вейнгаст Б. Концептуальный подход к объяснению истории человечества. Курманова Л, Васильева Е, переводчики. *Эковест*. 2007;6(1):4–11.
10. Луман Н. *Общество как социальная система*. Антоновский А, переводчик. Москва: Логос; 2004. 232 с.
11. Любецкий М. *Моделирование постиндустриальной трансформации экономических систем*. Кишинёв: Lambert Academic Publishing; 2012. 164 с.
12. Коршунов ГП. Пандемия и цифровизация: опыт социологического анамнеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:88–91.
13. Миланович Б. *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. Шестаков Д, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 336 с.
14. Гефнер ОВ. Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах городов Западной Сибири). *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ* [Интернет]. 2021 [процитировано 24 февраля 2022 г.];1. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-sotsiokulturnaya-sreda-sovremennogo-goroda-na-materialah-gorodov-zapadnoy-sibiri>.
15. Лапина-Кратасюк Е, Запорожец О, Возьянов А, редакторы. *Сети города. Люди. Технологии. Власть*. Москва: Новое литературное обозрение; 2021. 576 с.
16. Монтгомери Ч. *Счастливы город. Как городское планирование меняет нашу жизнь*. Константинова Ю, переводчик. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 368 с.
17. Лебедева ЕВ, Шушунова ТН. Цифровой город в эпоху пандемии: «старые» социальные практики в разрезе новых информационных технологий. В: Данилов АН, Мамедов АК, редакторы. *Цифровой город: новый социальный транзит*. Минск: РИВШ; 2021. с. 108–132.
18. Turkle Sh. *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books; 2011. 360 p.
19. Паньшин БН. Цифровая культура как фактор эффективности и снижения рисков цифровой трансформации экономики и общества. *Цифровая трансформация*. 2021;3:26–33.
20. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.
21. Филиппович ЮС, Стрекалов ГС. О некоторых особенностях феномена «культура отмены». *Коллекция гуманитарных исследований*. 2021;1:36–41.

References

1. Markov AN, Migalevich SA. Readiness of higher education institutions for digital transformation of processes. *Digital Transformation*. 2021;2:64–68. Russian.
2. Titarenko LG, Karapetyan RV. Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of indicators in Russia and Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:52–69. Russian.
3. Tomashevski KL. Digitalisation and its impact on the labour market and labour relations (theoretical and comparative legal aspects). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020;11(2):398–413. Russian. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210.
4. Ilyina EM, Ilyin MV. [Political and managerial aspects of the digital transformation process in the Republic of Belarus]. In: Gaisienok VA, editor. *Filosofsko-gumanitarnye nauki* [Philosophical and humanitarian sciences]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2017. p. 61–70. Russian.
5. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Shkaratan OI, translator. Moscow: Higher School of Economics; 2000. 608 p. Russian.
6. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage; 1996. 272 p.
7. Tapscott D, Williams AD. *Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse* [Wicinomics. How mass collaboration changes everything]. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 456 p. Russian.
8. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet; cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.
9. Nort D, Wallis J, Weingast B. [A conceptual approach to explaining the history of mankind]. Kurmanova L, Vasil'eva E, translators. *Ecowest*. 2007;6(1):4–11. Russian.
10. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Antonovskii A, translator. Moscow: Logos; 2004. 232 p. Russian.
11. Lyubetsky M. *Modelirovanie postindustrial'noi transformatsii ekonomicheskikh sistem* [Modelling of post-industrial transformation of economic systems]. Kishinev: Lambert Academic Publishing; 2012. 164 p. Russian.
12. Korshunov GP. Pandemic and digitalisation: the experience of sociological anamnesis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:88–91. Russian.
13. Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyi podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global inequality. A new approach for the era of globalisation]. Shestakov D, translator. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2017. 336 p. Russian.

14. Gefner OV. Digitalisation and sociocultural environment of a modern city (on the materials of the cities of Western Siberia). *Electronic scientific and methodical journal of the Omsk State Agrarian University* [Internet]. 2021 [cited 2022 February 24];1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-sotsiokulturnaya-sreda-sovremennogo-goroda-na-materialah-gorodov-zapadnoy-sibiri>. Russian.
15. Lapina-Kratasyuk E, Zaporozhets O, Voz'yanov A, editors. *Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Networks of the city. People. Technology. Authorities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 576 p. Russian.
16. Montgomery C. *Schastlivyi gorod. Kak gorodskoe planirovanie menyaet nashu zhizn'* [Happy city. How urban planning is changing our lives]. Konstantinova Yu, translator. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. 368 p. Russian.
17. Lebedeva EV, Shushunova TN. [Digital city in the era of a pandemic: «old» social practices in the context of new information technologies]. In: Danilov AN, Mamedov AK, editors. *Tsifrovoy gorod: novyi sotsial'nyi tranzit* [Digital city: new social transit]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2021. p. 108–132. Russian.
18. Turkle Sh. *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books; 2011. 360 p.
19. Panshin BN. Digital culture as a factor in the effectiveness and risk reduction of digital transformation of the economy and society. *Digital Transformation*. 2021;3:26–33. Russian.
20. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.
21. Filippovich YuS, Strekalov GS. Some features of cancel culture. *The Collection of Humanitarian Researches*. 2021; 1:36–41. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.03.2022.
Received by editorial board 17.03.2022.